ЧУХОНЦЫ ВЪ ПИТЕРѢ.

У насъ, не безъ основанія, называютъ чухнами все не–русское поколѣніе коренныхъ жителей Петербургской, Выборгской и сосѣднихъ Балтійскихъ губерній. Оставивъ на сей разъ въ покоѣ Эстовъ и Латышей, взглянемъ собственно на чухонъ, то есть, на уроженцевъ Выборгской губерніи, кои, въ особенности женщины, такъ охотно называютъ себя Шведами и Шведками: «Я ведка исъ Фиборгъ», обыкновенный отвѣтъ петербургской кухарки, если спросите ее, откуда она родомъ.

Не только каждый народъ, но и уроженцы извѣстныхъ мѣстъ, приходя на заработки въ столицу нашу, держатся своего рода жизни и какихъ либо особыхъ промысловъ. Такъ касимовскіе Татары всѣ почти идутъ въ дворники; Рязанцы въ сидѣльцы и еще болѣе въ цѣловальники; Тверитяне въ каменщики и штукатуры; Бѣлорусы исключительно въ земляную

работу и прочее. Чухонца или Финляндца вы не увидите ни въ дворникахъ, ни въ сидѣльцахъ, ни даже въ разнощикахъ, кромѣ привозящихъ яйца, масло и молоко, и выпрашивающихъ въ домахъ, послѣ продажи припасовъ своихъ, лоскутки и ленточки для дочерей и сестеръ. Высшій кругъ ремесленнаго или рабочаго сословія изъ этого народа, это серебряники; за ними слѣдуютъ трубочистные мастера; черный народъ, осѣдлый въ Петербургѣ, идетъ смолода въ трубочисты, иногда нанимается въ кучера; идущіе на заработки промышляютъ легковымъ извозомъ, и то болѣе зимой, изъ ближайшихъ деревень, верстъ за сто, полтораста; въ ломовыхъ же извощикахъ вы никогда не увидите чухонца. Кромѣ того, выборгскіе крестьяне возятъ въ столицу песокъ, на лодкахъ и гужемъ, булыжный камень и всѣ вообще сельскіе припасы, пригоняя иногда, на придачу, нѣсколько головъ своего малорослаго рогатаго скота.

Встрѣтивъ, особенно въ воскресенье, такого трубочистнаго мастера, вы не всегда

съ перваго взгляда догадаетесь, съ кѣмъ столкнулись. Черный фракъ и золотая цѣпочка, зимой также енотовая шуба, могла бы ввести васъ въ обманъ и заставить предполагать, что передъ вами, по–крайней–мѣрѣ, почетный гражданинъ, если не самъ откупщикъ питейныхъ сборовъ. Ремесло трубочистнаго мастера, у котораго только изрѣдка остаются на рукахъ, по праздникамъ, слѣды прежнихъ собственноручныхъ занятій — ремесло это хлѣбное. Мастера получаютъ плату съ дома, или вѣрнѣе, съ дыма, берутъ на себя подрядомъ обязанность чистить трубы во всѣхъ, и самыхъ огромныхъ казенныхъ зданіяхъ, и держатъ цѣлую артель рабочихъ и мальчишекъ, содержа ихъ, по крутому финскому нраву и тугому скопидомству, очень строго и на весьма умѣренной пищѣ. Салакушка и вообще плохая и дешевая соленая рыбка, да еще картофель, обыкновенная ихъ пища; мясо видятъ они рѣдко. Не смотря на это, вы, въ воскресенье, на Крестовскомъ острову, должны заглянуть иному чухонцу вплотную

за уши, чтобы узнать трубочистнаго подмастерья или ученика, въ толпѣ ремесленныхъ, веселыхъ гулякъ, для коихъ Крестовскій островъ составляетъ истинную отраду: тамъ они, бѣдные, отводятъ душу и, собираясь съ силами на наступающую седмицу, забываютъ по разу въ недѣлю, какъ больно мастеръ надралъ чубъ въ понедѣльникъ и въ среду, какъ зло ущипнулъ во вторникъ, выдралъ за ухо два дня сряду, въ четвергъ и въ пятницу, и какъ натолкалъ бока въ субботу. Зимой и эта отрада не дается; изрѣдка только удается забраться съ товарищами въ Красный кабачокъ, а впрочемъ, все праздничное утѣшеніе состоитъ въ томъ, что сходишь въ субботу въ баню, — непремѣнная льгота всѣхъ трубочистовъ, — да гуляешь въ воскресенье съ товарищами, не съ чумичкой, ядромъ, скрябкой, метлой и веревкой, и не въ бархатномъ черномъ платьѣ, какъ сами они называютъ буднишній нарядъ свой, а въ сюртукѣ и, замѣтьте, непремѣнно въ *бѣлой* манишкѣ, или по-крайней-мѣрѣ съ бѣлыми

воротничками. Эти бѣлые воротнички придаютъ каждому трубочисту, въ собственныхъ своихъ глазахъ, сто–на–сто цѣны и вѣсу; ему, въ будничномъ быту, бѣлое бѣлье такое диво, что оно ему дѣлается всего дороже и милѣе.

Чухны вообще народъ самый честный, то есть, крѣпкій и вѣрный на слово; но разныя житейскія уловки и ухищренія, особенно среди всѣхъ соблазновъ столицы, водятся и въ ихъ грѣшномъ быту, какъ и во всякомъ иномъ. Подряжаясь чистить трубы въ большомъ казенномъ зданіи, съ отвѣтственностью за выкидку изъ трубы, трубочисты берутъ порядочныя деньги, по сотнѣ и по двѣ цѣлковыхъ въ годъ: но разсказать ли вамъ, какъ трубочистный мастеръ, перехитривъ, чистилъ въ пяти большихъ зданіяхъ трубы круглый годъ за полтину серебра?

Были, по законному порядку, назначены торги. Господа трубочисты сошлись въ срокъ и, не смотря на обыкновенное единодушіе свое по предварительной стачкѣ, немного погорячились и съ пяти

сотъ цѣлковыхъ запроса сбили цѣну непомѣрно низко, на двѣсти. Видя такую бѣду и опомнившись нѣсколько, одинъ изъ самыхъ бойкихъ за–невскихъ уроженцевъ, именитый начальникъ чернобархатной дружины, выступилъ смѣло впередъ и сказалъ: «полтину серебра.» — Начальство съ недоумѣніемъ приподняло голову и рѣшилось просить объясненія. «Я прошу полтину серебра,» отвѣчалъ тотъ же мастеръ, между тѣмъ какъ прочіе, понявъ эту уловку, самодовольно поглядывали другъ на друга и улыбались; «я берусь чистить трубы не за 400 и не за 200 рублей серебромъ, а за полтину.» «Что это ты, шутить, что ли сюда пришелъ?» спросилъ его строгій голосъ, между тѣмъ какъ очки были приподняты съ переносья на самое темя. «Чего шутить, какая шутка! продолжалъ тотъ же мастеръ; я вамъ говорю дѣло, я берусь за полтину серебра.»

Торги были остановлены, журналъ подписанъ и подписка съ подрядчика взята. Не дрогнула у него рука и при подписи; смѣло и бойко расчеркнулся онъ, закусивъ

губу, а прочіе съ какимъ–то удовольствіемъ перешептывались по своему и поглядывали черезъ плечо мастера на подпись его.

На этотъ разъ, разсчетъ его былъ вѣренъ и удаченъ. Долго думало присутствіе, какъ тутъ быть и что дѣлать. Какъ–де отдать за полтину подрядъ, за который плачивали всегда по 300 рублей? Это курамъ на смѣхъ; онъ просто дурачитъ людей; а наконецъ какое же будетъ ручательство въ томъ, что онъ выполнитъ подрядъ? Залогу съ него слѣдуетъ всего–то треть годовой платы — и того, за годъ 16 2/3 копѣйки; что же съ этимъ станешь дѣлать? — И на этомъ основаніи не утвердили торговъ, а предписали произвести новые. На этихъ новыхъ торгахъ, мастера наши явились уже болѣе спокойные и разсудительные, установивъ между собою послѣднюю цѣну 400 руб. серебромъ, и положивъ сдать работу одному, по жеребью, а прочимъ получать съ него отсталаго. Такъ и сталось.

Но когда на слѣдующій годъ господа трубочисты вздумали съиграть ту же шутку,

то они обожглись. Подрядъ остался за тѣмъ же мастеромъ, за полтину, и торги утвердили, по тому что на этотъ разъ прошлогодній залогъ обезпечивалъ отъ неустойки....

Большая часть здѣшнихъ серебряниковъ средней руки земляки трубочистамъ, и между прочимъ, все, что вы покупаете подъ Думой, выходитъ изъ–подъ ихъ рукъ. Есть изъ нихъ также довольно мастеровъ золотыхъ дѣлъ. Люди эти надежны, трезвы, работящи; но и у нихъ не рѣдко голова походитъ на половую щетку: съ такимъ упорствомъ у нихъ волоса подымаются на дыбы, не ложась подъ гребень, и такъ упрямы и норовисты эти головы. Если вы заказываете какую нибудь вещь, желая, чтобы она была сдѣлана, какъ вамъ хочется, то землякъ трубочиста сперва споритъ съ вами, увѣряя, что этого сдѣлать нельзя, а что надо сдѣлать иначе; коли вы настаиваете положительно и готовы уйти по несогласію мастера, то онъ смолчитъ, кивнувъ разъ, другой головой, и сказавъ: хорошо, хорошо; а между тѣмъ непремѣнно

сдѣлаетъ ее по своему и отвѣтитъ вамъ впослѣдствіи сухо, что такъ надо было и что иначе нельзя. Ни одинъ васъ не обвѣситъ; у всякаго положенная цѣна за работу; но и Финляндецъ, какъ Русскій человѣкъ, рѣдко поставитъ вамъ работу въ обѣщанный срокъ и, сверхъ того, какъ упомянуто, весьма неохотно уклонится отъ привычной формы вещи.

Въ числѣ сельскихъ произведеній, привозимыхъ чухнами, пахтанное, или собственно, чухонское масло занимаетъ не послѣднее мѣсто. Замѣчательно, что обычай пахтать масло принадлежитъ всѣмъ чухонскимъ, или вѣрнѣе чудскимъ, финскимъ поколѣніямъ, а обычай топить его, турецкому или татарскому и монгольскому племенамъ. По этому незначительному обычаю, кажется, можно довольно вѣрно распознавать у насъ эти два поколѣнія тамъ, гдѣ есть сомнѣніе. Если бы, напримѣръ, шитковыя рубахи, монисты, пронизи, головной уборъ женщинъ (каля–башъ и кашъ–боу) у Башкировъ, и нѣкоторыя другія этнографическія указанія,

не изобличали въ нихъ чудское племя, то я бы готовъ былъ отказать имъ въ татаро–монгольскомъ происхожденіи, по одному обычаю ихъ не топить масло, а пахтать его.

Хозяйки наши падки на чухонское масло, которое крестьяне разносятъ по столицѣ; но и этотъ честный промыслъ, къ сожалѣнію, подалъ поводъ къ мошенничеству, которое многимъ хозяйкамъ крѣпко досаждаетъ. Я не говорю о томъ, что и честные чухны выучились класть на исподъ въ кадочку прогорклое масло, или сыпать туда крупную соль, продавая ее вмѣстѣ съ масломъ по рублю фунтъ; но хочу сказать нѣсколько словъ объ отъявленномъ и болѣе утонченномъ мошенничествѣ предпріимчивыхъ столичныхъ прасоловъ, или кулаковъ. Они скупаютъ масло зимой, разбиваютъ его въ теплѣ, наливъ водой, а потомъ выносятъ на морозъ и сбиваютъ воду вмѣстѣ съ масломъ, образуя какое–то масляное мороженое, весьма невыгодное для покупателей, по тому что въ немъ бываетъ болѣе половины воды или льду. Чтобы

затѣмъ удобнѣе и вѣрнѣе сбыть этотъ товаръ, прасолы поручаютъ распродажу его захожимъ сюда чухонцамъ, кои разносятъ его по дворамъ, будто только что привезли изъ деревни. За это нельзя не попенять честнымъ Финляндцамъ, хотя они тутъ только плуты подставные, а настоящіе мошенники скрываются въ какихъ–нибудь подвалахъ или мелочныхъ лавочкахъ.

Подгородные жители разсказываютъ, что чухны, пріѣзжающіе въ столицу съ сельскими припасами, а въ томъ числѣ и съ рыбой и раками, въ бочкахъ, не продаютъ товара дорогою, по упрямству, а можетъ быть, и боясь продешевить, не зная настоящихъ цѣнъ въ городѣ. Отнѣкиваясь, они обыкновенно, чтобы отвязаться, говорятъ: мы привеземъ вамъ въ другой разъ, теперь нельзя отдать. Тогда стоитъ только убѣдить чухонца, не зная его въ глаза, взять задатокъ: и онъ уже не обманетъ, а непремѣнно привезетъ, что обѣщалъ. Мнѣ говорили объ этомъ люди, испытывавшіе такой способъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, и увѣряли, что

изъ числа десяти или двѣнадцати задатковъ, у нихъ вообще пропадало не болѣе одного, и что иной чухонецъ привозилъ обѣщанное, хотя полгода и даже цѣлый годъ спустя. Эта черта такъ хороша, что конечно ее всякій народъ пожелалъ бы присвоить себѣ; но она не всякому далась!

Спросите, какъ дѣлаютъ подрядчики или поставщики булыжнаго камня и песку, для полученія этого товара изъ Финляндіи: они отправляются на мѣста, приглашаютъ черезъ пасторовъ крестьянъ для сбора и поставки камня къ сроку, раздаютъ имъ тутъ же задатки, отъ трехъ до шести цѣлковыхъ на брата, записываютъ имена ихъ, для одного счета, и безъ всякихъ дальнѣйшихъ удостовѣреній, залоговъ и околичностей, уѣзжаютъ въ Питеръ. Списки эти не могутъ въ сущности служить ни къ чему, не только потому что не облечены въ законную форму, но уже и потому, что въ нихъ насчитаны цѣлые десятки Іогансоновъ, Андерсоновъ и Михльсоновъ, коихъ едва ли кто былъ бы въ состояніи отыскать на бѣломъ свѣтѣ,

если бы они не явились сами. Но будьте спокойны, задатки ваши не пропадутъ: весною день за день лодочники являются къ вамъ на дворъ, сдаютъ камень, привозятъ вѣсти о тѣхъ, кои еще не успѣли его поставить, просятъ за нихъ отсрочки или возвращаютъ задатки; а если вы ихъ разсчитаете безъ задержки и безъ притязанiй и дадите еще по стакану вина, то они готовы, воротившись домой, объѣздить за васъ всю околицу и понукнуть менѣе радивыхъ земляковъ своихъ, или заставить ихъ, въ случаѣ какихъ–либо важныхъ помѣхъ, передать обязательство и задатокъ другому.

Будучи однажды случайно свидѣтелемъ такого прiема булыжника отъ чухонъ, я невольно обратилъ вниманiе на рослаго, молодаго дѣтину, со свѣтлыми, гладкими и длинными волосами, словно вычесанными изъ пакли, съ голубыми глазами, въ коихъ отражалась какая–то сильная печаль. Онъ стоялъ очень спокойно и тихо, не проталкивался впередъ, ждалъ очереди, говорилъ мало и тихо и часто вздыхалъ.

Наконецъ очередь до него дошла. Какъ тебя зовутъ? спросилъ хозяинъ, или прикащикъ его, сидя за именнымъ спискомъ поставщиковъ.

Тотъ сказалъ имя, прозванiе свое и мѣсто рожденiя.

Хозяинъ пробѣжалъ списокъ и возразилъ, что такого человѣка въ этой деревнѣ у него не записано.

Нѣтъ, отвѣчалъ чухонецъ, у васъ записанъ братъ мой, Андрей, да его ужъ нѣтъ; и слезы навернулись у него на глазахъ.

— А гдѣ же братъ твой? умеръ?

— Умеръ, потонулъ. Оттого мы и позапоздали немного; не взыщите. Онъ отправился въ срокъ, буря его захватила за Кронштадтомъ, лодку разбило, все пропало и самъ потонулъ. Я, младшiй братъ, принялъ все наслѣдство, что было, а съ тѣмъ и долги и обязательства брата, такъ ужъ надо было исполнить: получайте.

Другаго рода явленiе, которое не служитъ къ чести чухонъ и относится собственно до ближайшихъ, подгородныхъ

деревень, встрѣчаете вы не рѣдко лѣтомъ по выборгской дорогѣ, а иногда и среди города: это обычай вымаливать подаяніе на снаряженіе небывалой невѣсты. Во многихъ странахъ, между прочимъ также въ Финляндіи и въ Польшѣ, небольшое приданое для бѣдной четы собирается отъ доброхотныхъ дателей; въ Финляндіи мать или тетка отправляется для этого въ обходъ съ дочерью–невѣстой, а въ Польшѣ женихъ съ невѣстой, въ сопровожденіи подругъ и всѣхъ свадебныхъ гостей, иногда еще съ музыкой и пляской, ходятъ по улицамъ и собираютъ, за благодарный поцѣлуй невѣсты, небольшое подаяніе. Лѣтомъ вы частенько встрѣтите на выборгской дорогѣ двухъ женщинъ, изъ коихъ одна повязана по головѣ какою–то бѣлой ветошкой, а другая простоволосая, съ алой гарусной тесьмой на головѣ, подстриженная поперегъ лба въ–обрубъ, босая, но съ парою новыхъ башмаковъ въ рукахъ; одна изъ нихъ кланяется и проситъ подаянія для невѣсты, указывая при этомъ на другую. Не рѣдко обѣ почти въ однихъ лѣтахъ, старухи, или

одна изъ нихъ ребенокъ; словомъ, тутъ по первому взгляду видна комедія.

Большая часть петербургскихъ кухарокъ чухонки; онѣ опрятны и, если не избалованы столичными соблазнами, вѣрны и честны; но онѣ всегда очень упрямы, а подъ старость дѣлаются злы и бранчивы до нестерпимости. Тѣ изъ нихъ, кои смотрятъ изподлобья, отворачиваются въ какой то судорожной дѣятельности и сиплымъ, грубымъ голосомъ много разсказываютъ о великихъ заслугахъ своихъ и о томъ, какимъ важнымъ господамъ они служили, никуда не годятся. Такого рода *ведки* обокрадутъ васъ кругомъ въ хозяйственныхъ покупкахъ, и все, что есть у нихъ, пропьютъ на кофе. Кофе пьютъ онѣ вообще запоемъ, страстно, и ни за что не пойдутъ служить въ домъ, гдѣ бы вздумали отпотчивать ихъ одной чашечкой въ день. Переходя на заработки въ столицу, чухонки вообще оставляютъ и сельскую, некрасивую, одежду свою и одѣваются, какъ говорятъ, по–нѣмецки.

Нельзя не упомянуть и еще объ одномъ пути, коимъ чухны попадаются зимой въ Петербургъ.

Въ Финляндіи, какъ говорится у насъ, все дешево; иностранные ситцы, а въ особенности кофе, на которой наложено здѣсь до 150 % пошлины, тамъ вдвое дешевле, а потому огромная прибыль слишкомъ часто соблазняетъ смѣлыхъ сосѣдей нашихъ. Въ Финляндію ежегодно пріѣзжаютъ прикащики изъ Гамбурга и другихъ мѣстъ, съ образцами дешеваго товара, предлагаютъ его финляндскимъ купцамъ въ долгъ, каждому на извѣстную сумму, и доставляютъ въ срокъ. Честность Финляндцевъ обезпечиваетъ иностранца въ этомъ случаѣ; а если одинъ должникъ и разорится, то потеря эта вознаграждается значительными барышами, получаемыми съ прочихъ десяти или пятнадцати домовъ. Взявшіе товаръ, съ своей стороны должны стараться сбыть его; между тѣмъ Финляндцы сами такъ бережливы, такъ мало привыкли сорить деньгами, что аршинный товаръ тамъ сходитъ очень

плохо, а кофе не болѣе извѣстнаго количества, которое разочтено до четверти фунта въ каждомъ семействѣ. Сосѣдняя русь — богата, потребителей много, и денегъ довольно; дѣло въ томъ только, какъ бы доставить туда товаръ: и на это есть средство, потому что пограничные чухны этимъ промышляютъ и берутся за дѣло смѣло и искусно.

Нагружаютъ небольшой обозъ, выбравъ для того самыхъ бойкихъ и нашколенныхъ лошадей. Погонщиковъ бываетъ мало, какъ можно меньше, чтобъ въ случаѣ нападенія легче было бѣжать. Въ темную ночь обозъ этотъ подъѣзжаетъ къ столицѣ, не торными дорогами, а трущобами и проселками, и не рѣдко при одномъ или двухъ вершникахъ, опознающихъ предварительно мѣстность и извѣщающихъ особеннымъ крикомъ и свистомъ объ опасностяхъ. Обозъ этотъ крадется мимо Выборгской заставы черезъ Черную рѣчку, или еще ниже по взморью; иногда онъ объѣзжаетъ всю столицу кругомъ и пробирается съ противоположной стороны. Если нельзя проѣхать, то не

рѣдко взваливаютъ мѣшки на плеча и переносятъ на себѣ, сдавая прямо по условію въ вѣрныя руки. Если такой обозъ бываетъ настигнутъ объѣздчиками, то поданный знакъ мгновенно извѣщаетъ о томъ всѣхъ возчиковъ, и первая уловка ихъ состоитъ въ томъ, чтобы разогнать весь обозъ въ разныя стороны, въ лѣсъ. Привычныя къ тому лошади, по особому крику кидаются со всѣхъ ногъ въ чащу и мчатъ, сколько духу есть, покуда не свалятся гдѣ нибудь въ канаву, если не завязнутъ съ возомъ между двухъ пней. Возницы между тѣмъ, покинувъ обозъ на произволъ судьбы, также бросаются въ сторону и стараются скрыться, что имъ и удается почти всегда. Такимъ образомъ объѣздчикамъ стоитъ большаго труда нагнать, по глубокому снѣгу въ лѣсу, легкія чухонскія сани и вывести ихъ на дорогу; но большая часть обоза, по темнотѣ и непроходимости путей, благополучно скрывается. Увѣряютъ даже, что хорошо пріученныя лошади контрабандистовъ, при первомъ удобномъ случаѣ, при малѣйшей

оплошности стражи, вырываются изъ рукъ и скачутъ во весь опоръ проселками обратно, не даваясь никому въ руки. Эти лошади, будучи захвачены, продаются здѣсь, какъ и сани, сбруя и самый товаръ, съ молотка; тайные повѣренные прежнихъ хозяевъ стараются выкупить ихъ, дорожа ими, и бывали примѣры, что за плохую на видъ чухонскую кляченку, которую нельзя оцѣнить свыше двадцати цѣлковыхъ, платили по сту и по двѣсти руб. сереб. Когда, во время продажи съ наддачи, цѣна лошадямъ возрастала до такой неимовѣрной степени, то всѣ съ любопытствомъ обращали взоры на тороватаго покупщика, а иные говорили ему вполголоса: смотри, держи ее крѣпче! не то, придется въ другой разъ выкупать ее здѣсь за такую–то цѣну! Впрочемъ, изобличая этотъ преступный промыслъ нашихъ сосѣдей, надобно, согласно истинѣ, сознаться, что съ ними никогда почти не бываетъ кровавыхъ сшибокъ и побоищъ, коими, напротивъ, ославились пограничные жители нѣкоторыхъ мѣстъ западныхъ губерній.

Чухны, привыкшіе, какъ говорятъ, и дома къ порядку, тишинѣ и повиновенію, бросаютъ тотчасъ все, если бываютъ открыты, и предаютъ товаръ и обозъ свой на жертву, получая, впрочемъ, по условію, вознагражденіе отъ хозяевъ за лошадей.

Хотя наружность чухонца, особенно въ зимней одеждѣ, не слишкомъ рѣзко отличается у насъ въ толпѣ прочаго народа, не менѣе того, его обыкновенно можно узнать съ перваго взгляда. Огромный треухъ рысьяго мѣха и ничѣмъ не изгладимое, косноязычное произношеніе — это его принадлежности. Есть однако же около Петербурга, но не въ Финляндіи, до такой степени обрусѣвшіе чухны, какъ по одеждѣ, такъ даже и по языку, что ихъ почти нельзя распознать отъ русскихъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что чудское или финское племя вообще довольно склонно къ этому переходу, или преобразованію, и русѣетъ гораздо легче, чѣмъ племена монгольскія или татарскія. Такъ, напримѣръ, Вогулы и Вотяки безъ сомнѣнія вскорѣ исчезнутъ вовсе: даже языкъ ихъ

утрачивается, и они, соединившись съ нами по вѣрѣ, мало–по–малу соединятся также во всѣхъ прочихъ житейскихъ отношеніяхъ, и одно только преданіе будетъ указывать на нихъ, какъ на бывшихъ инородцевъ. Почти то же можно сказать о нѣкоторой части Мордвы; даже Зыряне, гдѣ они живутъ не особнякомъ, а близь русскихъ, легко съ ними сближаются; а слабосильные Чуваши и Черемисы весьма охотно называютъ себя русскими, принимаютъ русскую стрижку и носятъ рубашку по русскому обычаю, сознаваясь, однако же, въ уничиженіи своемъ, что изъ нихъ вышелъ доселѣ только «дрянная русская человѣка, но авось, Богъ дастъ, выйдетъ и матерая». Вообще нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что значительная часть нынѣшней Россіи была населена народами чудскаго происхожденія — Меря, Мурома, Мещера, Кривичи и пр., кои въ теченіе вѣковъ обрусѣли. Даже въ произношеніи народа нашего можно еще отъискать мѣстами это происхожденіе, а тщедушный складъ, хотя и несвойственный собственно чухнамъ,

чувашское лицо и глаза и нѣсколько сохранившихся издревле обычаевъ, слишкомъ ясно наводятъ на это заключеніе, подтверждаемое бытописаніемъ. Тамъ, гдѣ народъ говоритъ: «это такая благая путь», можно по справедливости усомниться, коренные ли русскіе такъ изъясняются; а приглядѣвшись поближе къ алымъ шиткамъ на рубахахъ, къ шитымъ же коймамъ, къ холодникамъ и балахонамъ, и наконецъ къ безобразнымъ рогатымъ женскимъ кичкамъ съ низанными назатыльниками, невольно скажешь: это Мордва. Такъ, напримѣръ, въ большей части Орловской губерніи бабы одѣваются совершенно помордовски.

Въ Питерѣ вы не рѣдко увидите пять, шесть и болѣе человѣкъ, идущихъ мѣрными шагами гусемъ, одинъ за другимъ, всѣ въ высокихъ сапогахъ, смурыхъ кафтанахъ или въ тулупахъ и съ огромными рысьими треухами на головѣ. Это заѣзжіе чухны, идущіе за городскими покупками. Вошедъ въ тѣсную лавку, они занимаютъ ее собою всю: другому покупателю нѣтъ мѣста; по привычкѣ не вбирая рукъ и ногъ въ себя,

они даютъ имъ полный просторъ. Одинъ изъ нихъ, парень бывалый, который слыветъ знатокомъ русскаго языка, идетъ впереди, прочіе за нимъ, какъ бараны. Передній заднему мостъ. Вожакъ этотъ спрашиваетъ лентъ, купецъ ставитъ ему коробку съ лентами, приглашаетъ, говоритъ цѣну; вожака не смущаютъ льстивые возгласы продавца; вожакъ прикидываетъ ленту на свѣтъ, и съ замѣчаніемъ знатока: «рѣдка больно», кладетъ ее на мѣсто и уходитъ. Дѣло рѣшено: чухонцы здѣсь лентъ не купятъ; не менѣе того, каждый изъ нихъ непремѣнно, выждавъ свою очередь, подойдетъ къ коробочкѣ, возьметъ ленту, прикинетъ ее на свѣтъ и положитъ на мѣсто. Такъ она перейдетъ черезъ семь рукъ, если опытный купецъ не догадается ее прибрать. Если же она будетъ прибрана, то замѣтьте, это озадачитъ и разстроитъ того чухонца, который подойдетъ въ свою очередь къ прилавку и протянетъ руку къ пустому мѣсту; онъ постоитъ нѣсколько, оглянется, понесетъ руку въ затылокъ и въ смущеніи отойдетъ. Проходя за тѣмъ мимо

бакалейной лавки, вся ватага въ нее забьется и оглядываясь молча на повторительное приглашеніе хозяина и на вопросъ его: что вамъ угодно? — ждетъ развязки отъ вожака. Когда же этотъ, подошедъ къ боченку съ сельдями, возьметъ одну селедку щепотью, перевернетъ и разглядитъ ее, кинетъ опять въ боченокъ и, облизавъ пальцы, выйдетъ спокойно изъ лавки, то всѣ пятеро послѣдуютъ его примѣру; каждый, поочередно, возьметъ и разглядитъ селедку, оближетъ пальцы и пойдетъ. Если же вожакъ рѣшится купить за семь коп. мѣди селедку, то прочіе достаютъ заблаговременно кошели свои изъ–за пазухи, отсчитываютъ деньги и также берутъ по селедкѣ. Все это дѣлается чинно и молча; изрѣдка тотъ или другой роняетъ ненарокомъ скромное словечко.

Но подъ веселый часъ, то есть, подъ чару зелена–вина, — чухонецъ говорливъ и веселъ; угрюмость его проносится какъ облачко; онъ забываетъ трудъ и горе, живетъ и оживаетъ. Можетъ быть, вамъ

случалось иногда встрѣтить, по близости кабака или харчевни, такихъ счастливыхъ жильцовъ подлуннаго міра: они поютъ изо всей мочи, сколько можно пѣть тому, кому Богъ не далъ ни тѣни голоса; поютъ всѣ вмѣстѣ, но каждый порознь, каждый по себѣ, и не одинъ не хочетъ слушать никого, кромѣ себя самаго. Пѣсня ихъ скорая, плясовая, очень однообразная, по четыре такта въ колѣнцѣ, и пѣвецъ, выразительно помахивая руками, показываетъ, что ему теперь нѣтъ нужды ни до кого и ни до чего. Этого пѣвца вы можете встрѣтить черезъ нѣсколько часовъ позже въ одноколкѣ за Выборгской заставой: завалившись въ ларчикъ этотъ поперегъ тряской оси, свѣсивъ голову и согнувъ колѣни кочергой, онъ спитъ мертвымъ сномъ, блаженствуя въ грезахъ, покуда не придется ему очнуться по ту либо по другую сторону дороги, въ канавѣ.

Оканчивая этимъ статейку, я обязанъ однако же сказать, что чухонъ отнюдь нельзя назвать пьяницами, но напротивъ, народомъ весьма трезвымъ. В. ДАЛЬ